

Стратегические контексты Арцахской войны 2020 г.

Стратегический контекст Южного Кавказа до войны

Арцахская война 2020 года стала триггером сдвигов, которые будут разворачиваться на Южном Кавказе – регионе, сформировавшемся в результате развала СССР и появления постсоветского пространства. Завершение постсоветского периода с окончанием нынешней войны инициировало переходный период, в рамках которого будет происходить инкорпорация Южного Кавказа в более крупные и естественные регионы геополитической арены.

Такое развитие процессов является объективным, исходя из философии постсоветского пространства, предполагающего временный характер акторов и регионов, сформировавшихся в результате «геополитической катастрофы» конца XX века. Постсоветский период по определению являлся переходным и характеризовался крайней слабостью России. И, если Восточная Европа, в том числе страны Балтии, использовали предоставившуюся возможность для вхождения в Евросоюз, государства Южного Кавказа оказались не в состоянии совершить аналогичный рывок или развернуть собственный объединительный проект, позволяющий сформировать самостоятельный Черноморско-Кавказский регион.

Россия. Восстановление военной мощи России и возвращение к ревизионистской политике и стратегии ясно обозначили ее намерения вернуть в полном объеме свое влияние на постсоветском пространстве, провозгласив идеологию создания гибридной империи СССР 2.0/Российская империя. Начиная с 2008 г. на протяжении уже второго десятилетия Россия последовательно стремится не просто сохранить экономическое, но восстановить также военное влияние и господство на бывшем советском пространстве, оформив данное стремление как новую квазиидеологию.

Другими словами, можно говорить о реализации Россией проекта активной консервации и попытке сохранить целостность евразийского пространства как советского/самодержавного. Противоречия между советским и самодержавным имперскими проектами при этом снимаются через ликвидацию коммунистической/социалистической идеологии, но без разработки новой идейной платформы, на основе которой развивался бы «возрожденный» СССР 2.0/Российская империя. В качестве квазиидеологии выступает само намерение восстановить контроль над географическим пространством, частично утерянный после развала СССР, и укрепление слабеющей целостности евразийского пространства. При этом в рамках данной программы нет возможности говорить о «Реконкисте», предполагающей религиозный/идеологический аспект восстановления целостности евразийского

пространства, как это имело место в рамках построения СССР на основе красной идеи и коммунистической/социалистической идеологии.

Более того, гранд-стратегия возвращения контроля над постсоветским пространством разворачивается на фоне краха евразийства, которое в настоящее время перехватывается Китаем в рамках идеологии Большой Евразии и проекта «Один пояс, один путь», а также частично Турцией в рамках идеологий неоосманизма, пантюркизма и исламизма, которые оказываются более притягательными для народов Евразии, нежели нежизнеспособное евразийство.

Переход России к оперированию исключительно жесткими элементами национальной мощи следует рассматривать как крах попыток разработать инструменты мягкой мощи, без которых удержание единого евразийского пространства как пространства русской культуры и народа следует считать обреченным. Задача сохранения функций актора геополитической арены без разработки объединяющей пространство и время идеи/идеологии является неразрешимой.

России в XXI веке нечего предложить Евразии, кроме жесткой военной мощи и подавления процессов развития народами собственных государств. Россия вновь превращается «в тюрьму народов», как в свое время характеризовал Российскую империю Ленин, предлагая красную идею для преодоления системного идеологического кризиса империи. Разворачивание стратегии, призванной законсервировать процессы на геополитической арене в форме реалий XX века, не предлагая позитивной программы или проекта развития, приводят к неизбежному отталкиванию его странами постсоветского пространства и выбору альтернатив, предлагаемых другими геополитическими и региональными центрами силы.

Например, намерение России включить страны Южного Кавказа в свой состав в качестве автономных субъектов или даже областей вступает в противоречие с намерениями Турции, которая также стремится восстановить неоимперский проект, выходя за пределы Республики Турция Ататюрка. Турция умело применяет набор идеологий неоосманизма, пантюркизма и исламизма, которые оказываются притягательными для народов Евразии, Ближнего Востока и Африки. Неоимперский проект Турции XXI века оказывается более устойчивым и жизнеспособным в идеологическом смысле, нежели России, опирающейся на «голую силу». Как следствие, намерение Турции вернуть в орбиту своего влияния Южный Кавказ оказывается оформленным необходимой идеологией и встречает отклик на Кавказе и в Евразии в целом.

Иран. Третий региональный центр силы, имеющий интересы на Южном Кавказе и Центральной Азии, Иран, в силу ограниченности ресурсов сосредоточился на реализации проектов на Ближнем Востоке и не в состоянии принять активное участие в разворачивающемся противоборстве на Южном Кавказе. При этом Иран сохраняет за собой возможность и право влиять на государства Южного Кавказа и региональные центры силы, будучи активным наблюдателем, способным подорвать стратегические

позиции непосредственных участников противоборства, но избегая силового вовлечения в процессы. Идеологические возможности Ирана на Южном Кавказе оказываются ограниченными и распространяются лишь на шиитский Азербайджан.

Прочие центры силы. Геополитические центры силы в лице США, Европы и Китая на данном этапе ограничились статусом наблюдателей, так как разворачивающийся процесс реформирования Южного Кавказа не вступает в противоречие с интересами и не угрожает стратегическим позициям данных геополитических акторов в регионе. При этом они сохраняют пространство для маневра и возможность перейти к более активной политике на последующих этапах после завершения активной фазы трансформации Южного Кавказа без вовлечения в непосредственное геополитическое противоборство, отложенное на будущее, когда сложится благоприятный контекст.

Грузия. Грузия пришла к периоду активной трансформации Южного Кавказа в состоянии разочарования невозможностью быстрого вхождения в орбиту Европейского Союза и под зонтик безопасности НАТО или США. Надежды быстрого нахождения альтернативы постсоветской реальности столкнулись с неспособностью Запада распространить прямое и доминирующее влияние на регион, встретив сопротивление ревизионистской России, четко обозначившей Южный Кавказ как сферу своих жизненных интересов в ходе грузино-российской войны 2008 г.

«Зависание» Грузии между советским/постсоветским и западным проектами привело к ее «погружению» в неоимперский проект Турции, имеющей традиционные интересы и влияние в ряде регионов Грузии. В условиях провалившегося рывка на Запад законы геоэкономики постепенно втягивают Грузию в орбиту турецкого влияния, которое на сегодняшний день стало доминирующим. Грузия, связанная экономическими и военными обязательствами с Турцией и Азербайджаном, на сегодняшний день стала частью турецкого неоимперского проекта.

Зависимость Грузии от целей и намерений Турции в регионе была ярко продемонстрирована во время арцахской войны, что не может не вызывать тревогу грузинской политической элиты, стоящей перед угрозой утраты Грузией суверенитета. Стремясь избежать угрозы включения в СССР 2.0/Российскую империю, Грузия обнаружила себя втянутой в неоимперский проект Турции, но не Европейский Союз, что приводит к необходимости формирования отклика на позабытые угрозы грузинской государственности и народа.

Армения. Армения в форме признанной международным сообществом Республики Армения и непризнанной Республики Арцах в силу объективных и субъективных факторов, в первую очередь военных, оказалась в орбите российского доминирования в рамках региональной системы безопасности Южного Кавказа. Необходимость военного противостояния Азербайджану и его союзнику Турции,

историческая память Геноцида в Османской империи вынудили Армению сделать выбор в пользу тесного союза с Россией, выступающей в качестве гаранта военной безопасности и сохранения военно-политического баланса в регионе. Армения единственная в регионе страна, разместившая на своей территории российскую военную базу и пограничников. Нежелание других геополитических центров силы распространить свой зонтик безопасности на Южный Кавказ делало данный выбор Армении в постсоветский период практически безальтернативным.

Попытки выстроить другие векторы развития жестко пресекались. Можно вспомнить расстрел парламента и высшего политического руководства Армении 27 октября 1999 г., резкий отказ от европейского вектора развития и вхождение в Евразийское экономическое сообщество в течение одной ночи 3 сентября 2013 г., а также бархатную революцию 2018 г., завершившуюся военным разгромом Армении и Арцаха.

Также необходимо подчеркнуть субъективный фактор высшего военно-политического руководства Армении, состоявшегося в рамках СССР и являющегося позднесоветским по ценностям, психологии, методам работы и пр., что привело к консервации ситуации после Первой арцахской войны 1992-94 гг. и нежеланию искать альтернативы для развития в противовес деградации страны. Постсоветское руководство Армении пошло по пути навязываемого Россией паттерна и методов управления постсоветским пространством, формирования компрадорского олигархического строя, ориентированного на разграбление национального богатства и советского экономического наследия и потенциала страны.

Попытки сформировать другую системную траекторию развития, помимо всего прочего, оказывались ограничены проблемой Арцаха и незавершенной войной. Армения в силу отсутствия значительных природных ресурсов и геополитических факторов, исключения из международных коммуникационных проектов оказывалась не в состоянии устойчиво развиваться.

Находясь в состоянии экзистенциальной войны, высшее военно-политическое руководство Армении занималось не подготовкой страны к преодолению ограничений постсоветского периода и развития, но консервацией постсоветской реальности. При этом Армения необдуманно выстроила систему национальной безопасности, ориентированную исключительно на Россию. Например, Армения не удосужилась создать собственные институты высшего военного образования и подготовки кадров национальной безопасности, обучение которых в подавляющем большинстве случаев происходило на базе учебных заведений России. Армения выбрала однозначную геополитическую ориентацию и вошла в состояние новой войны с государственным аппаратом постсоветского пространства, пораженного nepотизмом, склонного к застою и деградации.

Результаты Апрельской войны 2016 г. показали армянскому обществу реальное состояние государственности, сделав неизбежным требования обществом перемен и отказа от постсоветской модели развития. Бархатная революция 2018 г. под лозунгом «отринь Сержа» (отринь старое) стала окликом на стагнацию армянского общества, а

неготовность к войне 2016 г. ясно показала неприемлемость постсоветской логики и методов формирования властной элиты.

Однако сформированная на волне требований радикальных демократических перемен новая власть не пошла по пути инициирования системных реформ (революции). «Бархатная революция» обернулась частичной сменой власти и имитацией изменений. Армения подошла к войне 2020 года со старой системой командования и управления армией и системой национальной безопасности в целом. Более того, кадры нацбезопасности и армии имели серьезные психологические проблемы с неопытной и не намеренной действительно реформировать страну политической властью, растратившей, как выяснилось, критически важные два года на так и не заверченный транзит власти, но не на необходимые реформы, в том числе в сфере военной безопасности. Армения вошла в войну с разрегулированной системой управления, в которой присутствовали глубокие противоречия.

В идейном плане само провозглашение идеи смены власти в результате демократических выборов, а не консенсуса в правящей элите, оказывалось в глубоком противоречии с логикой формирования власти в России. Существование демократической Армении вступало в противоречие с намерениями реализации имперского проекта СССР 2.0/Российская империя российской государственностью. Причем новая властная элита Армении в силу ограниченности и отсутствия опыта не осознавала глубину противоречия и предпринимала обреченные шаги, призванные доказать приверженность Армении своим обязательствам в рамках коллективных и двусторонних союзов с Россией.

Азербайджан. Проигравший в Первой арцахской войне Азербайджан превратил задачу военного реванша и ненависти к армянскому народу и Армении в национальную идею и идеологию государственного строительства, а также важнейший элемент национальной идентичности. Опираясь на широкомасштабные поставки современного наступательного вооружения из России, а также помощь естественного союзника Турции и Израиля, Азербайджан осуществил перевооружение и модернизацию вооруженных сил. При этом широко использовался опыт и знания военного строительства Турции, которая в свое время также совершила аналогичный рывок в середине XX века после вхождения в НАТО. Авторитарный стиль управления страной, коррумпированность и отсутствие демократических свобод оказывались несущественными факторами. Азербайджан стал еще одним примером возможности ускоренной военной модернизации и реформирования на основе авторитарной системы управления обществом и государством.

К очередной войне с Арменией Азербайджан подошел идеологически мотивированной страной, стремящейся разрушить армянскую государственность, с естественными и ситуативными союзниками, готовыми оказать необходимую помощь как в военной кампании, так и на дипломатической арене. Азербайджан и его

естественные союзники Турция и Израиль, проведя геополитическую «разведку боем» в 2016 году, ждали благоприятного международного контекста для инициирования новой войны, преследуя свои интересы: локальные для Азербайджана и региональные для Турции и Израиля.

Таким образом, можно говорить о трех группах акторов, вовлеченных в Арцахскую войну 2020 г.: заинтересованные в войне и трансформации региона Россия, Турция, Азербайджан и Израиль; не заинтересованные в войне и изменениях Армении и ограниченная в своем выборе Грузия; и активных и пассивных наблюдателей: Иран, Европа и США, имеющие интересы в регионе, но выбравшие позицию активного или пассивного нейтралитета.

В сложившейся ситуации регионального и геополитического одиночества Армении и мотивированности противной стороны война в регионе становилась неизбежной. Новая власть в Армении оказалась не в состоянии учесть происходящие в мире изменения, готовность России и Турции к силовым методам изменения геополитического ландшафта в регионе через демонтаж системы региональной безопасности Южного Кавказа. Заявив о своем намерении отказаться от постсоветской логики формирования власти и политики, Армения оказалась не готова к агрессивным шагам региональных акторов и Азербайджана, также уже не заинтересованных в сохранении статус-кво постсоветского периода.

Власти Армении допустили стратегические ошибки и оказались вне сформировавшегося регионального контекста, при этом не желая отказаться от постсоветского стиля управления и не предпринимая шагов по поиску новых союзников и пр. Драгоценное время, которое можно было потратить на ускоренную ликвидацию наиболее серьезных провалов в системе военной безопасности Армении, инициирование системных реформ/революции, было потрачено премьер-министром Николом Пашиняном на склоки и банальное удержание власти.

Стратегический контекст после войны

Арцахская война привела к радикальным изменениям на Южном Кавказе, который становится частью большего региона с уже не постсоветской логикой и грамматикой. Как отмечалось ранее, война стала возможной в результате совпадения интересов региональных центров силы России, Турции, Израиля, согласившихся с возможностью силового переформатирования региона.

Важно осознавать, что в рамках Арцахской войны Россия выступала именно как региональный, а не геополитический центр силы. При этом Россия и Турция использовали опыт взаимодействия на Ближнем Востоке, когда, имея конкурирующие интересы, данные центры силы оказались в состоянии сформировать ситуативный союз, позволяющий им играть доминирующую роль вместе с Ираном. На Южном Кавказе Россия и Турция прибегли к опыту, наработанному в рамках астанинского процесса на Ближнем Востоке,

но без привлечения Ирана, монополизировав регион как сферу сотрудничества и противоборства между собой. Причем проект был подготовлен и инициирован российской стороной, когда Россия пригласила Турцию принять участие в реформировании Южного Кавказа в рамках завершившейся войны.

Результаты войны укладываются в гранд-стратегию по реализации проекта СССР 2.0/Российская империя, когда Россия в результате проигранной Арменией войны получила прямое военное присутствие в Арцахе и возможность проецирования военной мощи в регионе и на Иран. Данная цель ставилась уже в 1994 году, после Первой арцахской войны, но осталась нереализованной благодаря сопротивлению Арцаха и Азербайджана. В результате на ближних горизонтах прогнозирования Россия смогла добиться привязки Азербайджана, Армении и косвенно Грузии к российскому имперскому проекту, что позволяет ей оценивать результаты войны как успех и победу.

Результаты войны позволили Турции обеспечить дипломатическое, политическое и военное присутствие на Южном Кавказе и в Арцахе – успех, который не был достигнут даже в рамках Османской империи. Необходимость взять на себя основную нагрузку в организации и проведении военной кампании привела к доминированию турецкой военной машины в Азербайджане. Более того, Турция смогла развернуть на Южном Кавказе идеологически мотивированных джихадистов, применение которых в качестве военного инструментария было отработано на театрах военных действий Ближнего Востока и Северной Африки. Турция получила возможность оперировать идеологически важным для нее военным инструментом на Южном Кавказе и просторах Евразии, фактически взяв под полный контроль азербайджанскую государственность.

Азербайджанское общество выразило готовность объединиться с Турцией, когда можно говорить о фактическом объединении двух турецких государств и переходе от идейного лозунга «одна нация – два государства» к более тесному взаимодействию и лозунгу «одна нация – де-факто одно государство». В результате победы в войне азербайджанская элита и ее лидер потеряли возможность проводить самостоятельную политическую линию и стали сателлитами Турции и ее амбиций при согласии азербайджанского общества с таким результатом. Как следствие, можно говорить о встраивании Азербайджана в политику и стратегию Турции, когда вместо Азербайджана на карте региона появляется «Восточная Турция». Турция заняла стратегические важные позиции на Южном Кавказе, позволяющие ей проецировать идеологическую и военно-политическую мощь на север, запад и юг, имея общую границу и обороняясь/взаимодействуя с Россией в Арцахе и на Кавказе.

Российская стратегическая мысль, стремясь вернуть Армению и Азербайджан в орбиту своего проекта военным инструментарием и отсекая возможности другого выбора для стран Южного Кавказа, не учла наличие альтернативы у Азербайджана. Вместо возвращения в состав СССР 2.0/Российской империи и русский проект, в рамках которого он был создан, Азербайджан выбрал вхождение в состав Турции/Османской империи XXI века и турецкий проект. Другими словами, говоря о безусловной тактической победе России в регионе, следует также говорить о стратегической победе Турции и потере позиций Россией. Россия собственными усилиями создала необходимые предусловия для ведения иррегулярных и гибридных военных действий уже не на театрах военных действий Ближнего Востока или Северной Африки, но на российской территории.

Россия, разработав и реализовав проект демонтажа де-факто существующего государства Арцах и формирования еще более жесткой зависимости Армении, создала необходимые условия для появления на Южном Кавказе и своих южных границах регионального центра силы, являющегося членом НАТО. Причем речь идет о идеологически мотивированной (неоосманизм, пантюркизм, исламизм) Турции, которую готовы встретить с овациями в ряде регионов России, Центральной Азии, и деидеологизированной России, целостность которой на сегодняшний день обеспечивается исключительно идеей консервации Евразии в рамках реалий XX века.

Заключение

Таким образом, с идеологической и геополитической точек зрения в результате арцахской войны Южный Кавказ скорее стал частью Ближнего Востока, но не СССР 2.0/Российской империи. Россия не укрепила и тем более не расширила границы своего геополитического проекта, но привела Ближний Восток к своим границам. Да, как на Ближнем Востоке, так и бывшем постсоветском пространстве широко используются слабые или падающие государства и серые зоны, такие как Южная Осетия, Абхазия, Приднестровье, Донецк/Луганск, Курдистан, Идлиб и Йемен. В результате войны 2020 года Арцах также превращен в серую зону, потеряв статус де-факто состоявшегося государства. В соглашении о капитуляции Армении, гарантом которой выступает Россия, проблема статуса Арцаха даже не упоминается. Война разрушила формат Минской группы ОБСЕ, тем самым уничтожив арцахскую проблему как проблему советского и постсоветского пространства и периода.

Ситуация, безусловно, может измениться, если другие сопредседатели Минской группы предпримут шаги по восстановлению обрушенного формата или даже пойдут на международное признание Арцаха. Принятая 25 ноября резолюция Сената Франции является шагом в данном направлении. Однако даже в этом случае говорить о постсоветской логике разрешения арцахской проблемы уже не приходится.

Таким образом, появление Турции на Южном Кавказе и представленное ей Россией право оперировать военным инструментом втягивает регион в орбиту Ближнего Востока, когда серые зоны Южного Кавказа будут мутировать с превращением в серые зоны Ближнего Востока, характеризующиеся более высоким уровнем военного насилия, потерей управляемости, исчезновением государственных институтов и пр. Выражаясь образно, Арцах, Абхазия и Южная Осетия будут мутировать, превращаясь в «Идлиб» с риском инициирования иррегулярных и гибридных военных действий, расплзающихся по всему Кавказу и Евразии.

Война 2020 года привела к росту зависимости Республики Армения и Арцаха от России. Ситуация усугубляется тем, что в регионе начинает действовать логика Ближнего Востока, которая является более жесткой и незнакомой для армянской государственности. Постсоветский период был растрачен Арменией, и она вынуждена решать проблему существования в новом/старом для армянского народа регионе в рамках ad-hoc стратегии, когда отношения со странами региона формируются «на лету».

Ситуация для Армении усложняется тем, что она оказалась фактически окружена «турецким морем». У Армении имеется два перешейка, соединяющие ее с внешним миром – Грузия и мегринский коридор в Иран. Однако, как уже говорилось ранее, Грузия

на сегодняшний день стала частью турецкого проекта. Захочет и сможет ли Грузия выстроить другие армяно-грузинские отношения, позволяющие странам вырваться из формирующихся реалий, требует внимательного изучения. Надежность мегринского коридора зависит от неразрешенных геополитических проблем Ирана и его уязвимости, которая может продлиться достаточно долгое время или быть разрешена способами, закрывающими на некоторое время южный коридор для Армении.

Таким образом, Армения на сегодняшний день представляет собой страну-остров в турецком окружении, на котором расположены российские военные базы, а власти жестко контролируются Россией. Это крайне уязвимая позиция, когда Армения неизбежно становится одним из театров военных действий будущих региональных войн, и нужно приложить серьезные усилия, чтобы избежать вовлечения в не свои войны. Чтобы «выпрыгнуть» из сложившихся региональных реалий, Армения должна предпринять комплекс срочных мер и приступить к строительству «Крепости Армения».

Арцахская катастрофа не оставляет армянскому народу другой возможности кроме как начать строить Армению, опирающуюся на другой военно-политический и социально-экономический базис. Нынешнее состояние армянской государственности и народа должно расцениваться как этап завершения катастрофы и начало переходного периода от обвалившейся постсоветской Армении к Армении-крепости, способной защитить армянский народ на территории исторической Армении. Только в рамках гранд-стратегии построения возрожденной Армении прорывного устойчивого развития можно выстроить отклик на вызовы и угрозы усложняющейся региональной и международной среды безопасности.

26 ноября 2020 г.